

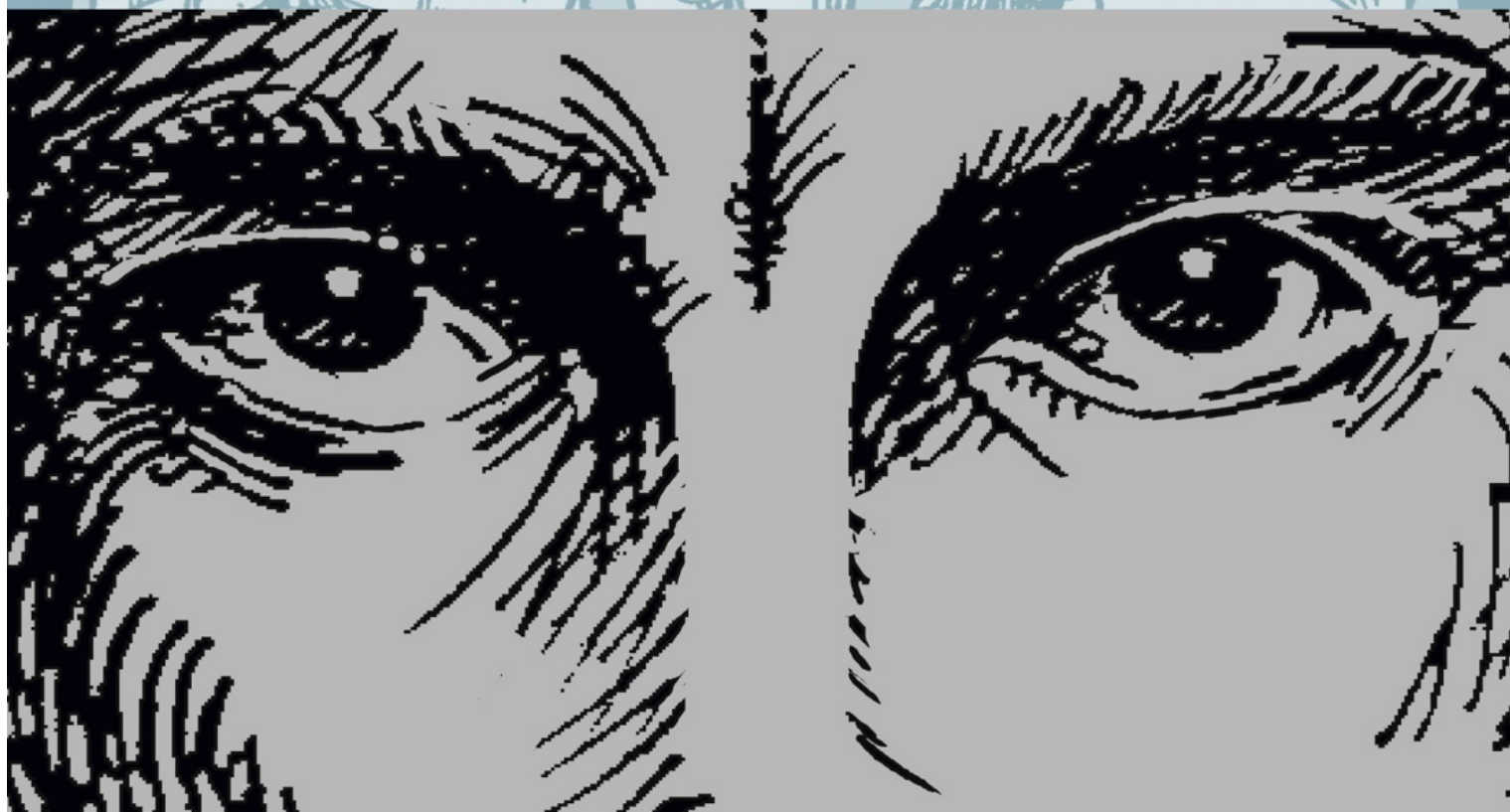
М о н и к а

С п и в а к

МОЗГ ОТПРАВЬТЕ ПО АДРЕСУ...

ВЛАДИМИР ЛЕНИН, ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ, АНДРЕЙ БЕЛЫЙ,
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ В КОЛЛЕКЦИИ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА МОЗГА

Мифы о мифах

Моника Спивак

Мозг отправьте по адресу

«Азбука»

2026

УДК 612.82
ББК 20.707

Спивак М. Л.

Мозг отправьте по адресу / М. Л. Спивак — «Азбука»,
2026 — (Мифы о мифах)

ISBN 978-5-389-33192-1

Московский Институт мозга – один из забытых утопических проектов советской эпохи, в чьи задачи входило постижение загадочного феномена человеческой гениальности. Сотрудники института имели право на изъятие мозга у знаменитых людей, а после изучения мозг полагалось помещать в специальный пантеон. Среди «клиентов» института оказались Ленин, Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий. Ученые искали ответы на вопросы не только с помощью биологических исследований, но и анкетирова родственников и знакомых «подопытных». Благодаря этому в распоряжении института оказались уникальные документы, рассказывающие о привычках, здоровье, пристрастиях и слабостях героев. Опираясь на архивные источники, Моника Львовна Спивак создала настоящий культурологический детектив, в котором пропадают и потом внезапно находятся целые архивы, а фантазмагорические проекты оживают, чтобы после застыть навсегда. В книге «Мозг отправьте по адресу...» приведены «психологические портреты», выполненные под руководством профессора Г. И. Полякова, оригиналы которых хранятся в Государственном литературном музее («Мемориальная квартира Андрея Белого». Второе издание).

УДК 612.82

ББК 20.707

ISBN 978-5-389-33192-1

© Спивак М. Л., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Часть I. Пантеон российских мозгов	9
Три смерти: Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий	9
Смерть Ленина – от тела к мозгу	14
Мозг Ленина: в поисках материалистической основы гениальности	19
В направлении консервированной гениальности	22
О создании пантеона СССР	25
Всесоюзный пантеон мозга: «продвижение» идеи	29
Еще одна смерть – Бехтерев	33
Борьба за пантеон	34
Рождение пантеона–2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Моника Львовна Спивак

Мозг отправьте по адресу

© М. Л. Спивак, 2026

© Оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

МИФЫ
МИФЫ

М о н и к а
С п и в а к

Санкт-Петербург

Часть I. Пантеон российских мозгов

Три смерти: Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий

«— Подождите, – сказал Олеша. – Это не самое странное. Самое странное, даже, я бы сказал, необъяснимое, при всей своей матерьяльности, было то, что я видел вчера в Гендриковском переулке, где еще совсем недавно мы играли в карты до рассвета... Вы знаете, что это? Мозг Маяковского. Я его уже видел. Почти видел. Во всяком случае, мимо меня пронесли мозг Маяковского.

И Олеша, перескакивая с образа на образ, рассказал нам то, что потом с такой поразительной художественной точностью появилось в его книге „Ни дня без строчки“:

„...вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки – очень громкие, бесцеремонно громкие: так могут рубить, казалось, только дерево. Это происходило вскрытие черепа, чтобы изъять мозг. Мы слушали в тишине, полной ужаса. Затем из комнаты вышел человек в белом халате и сапогах – не то служитель, не то какой-то медицинский помощник, словом, человек, посторонний нам всем; и этот человек нес таз, покрытый белым платком, приподнявшимся посередине и чуть образующим пирамиду, как если бы этот солдат в сапогах и халате нес сырую пасху. В тазу был мозг Маяковского...“ —

этот рассказ не мог забыть и спустя тридцать с лишним лет В. П. Катаев¹.

Смерть В. В. Маяковского потрясла Советскую Россию. В те печальные весенние дни 1930 года газеты сообщили: «14 апреля, в 10 [часов] 15 [минут] утра в своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. ⟨...⟩ Днем, 14 апреля, тело Маяковского перевезено на его квартиру в Гендриковом переулке»². Но еще до выхода газет известие о роковом выстреле Маяковского молниеносно облетело Москву. На месте трагедии собрались многочисленные друзья и знакомые покойного. Естественно, не только Юрий Олеша стал свидетелем изъятия мозга поэта. «...Пилюю такой специальной начали пилить, такой докторской пилой... Чашка, черепная крышка, отошла, и в ней был мозг. Ну вот, положили, значит, мозг и сказали, что очень большой мозг, понимаете ли...» – вспоминал увидевший художник Н. Ф. Денисовский³. Чуть менее экспрессивно о том же рассказывал другой мемуарист и писатель, приятель Маяковского Л. В. Никулин: «14 апреля 1930 года, поздно вечером, мы пришли в квартиру Маяковского в Гендриковом переулке. Маленькая, тесная квартира была полна народа. ⟨...⟩ Из комнаты, где лежал Маяковский, вышли люди в белых халатах. То были сотрудники института мозга. ⟨...⟩ Они несли завернутую в полотно банку. Это, скрытое в белом, было мозгом Маяковского. Потом нас пустили к нему. Он лежал на кровати, у стены, с желтовато-серым лицом и синими тенями у глаз»⁴. Не будем обращать внимание на частности: в тазу или в банке выносили из квартиры мозг поэта. «Скрытое в белом» (то есть завернутую в полотно банку или же таз) препроводили в дом № 43 по Большой Якиманке, в Московский институт мозга, о чем в «Журнале поступлений» была сделана соответствующая запись. Эта запись впервые была воспроизведена в публикациях Валентина Скорятина, посвященных «тайне гибели Владимира Маяковского»⁵.

В неожиданном самоубийстве Маяковского было много неясного, что порождало слухи и подозрения. Действительно, обстоятельства и причины смерти, недостойной поэта, «революцией мобилизованного и призванного», и неудобной для советской власти, которая желала видеть в Маяковском певца нового социального строя, не афишировались и были покрыты

завесой тайны. Однако из самого факта изъятия мозга, напротив того, никакой тайны не делалось. Такие впечатлительные мемуаристы, как Юрий Олеша и Лев Никулин, может, и были потрясены громкими стуками, производимыми прозекторами при вскрытии черепа, но в печати об этом сообщали без малейшего надрыва, спокойно и даже горделиво, как о чем-то вполне естественном. Манипуляции с мозгом, наряду с гражданской панихидой и кремацией, входили в программу мероприятий по организации почетного погребения.

В 18 ч[асов] 30 м[инут] скульптор К. Луцкий и формовщик К. Кучеров сняли посмертную маску с лица покойного поэта.

20 ч[асов]. Профессора из Института мозга берут мозг В. Маяковского на исследование. Мозг Маяковского весит 1700 граммов. Примечание: средний вес человеческого мозга 1300–1350 граммов.

Исследование мозга Маяковского будет произведено в ближайшие дни.

В полночь тело В. Маяковского перевезено в Клуб писателей.

Друзья покойного поэта, представители литературных и общественных организаций провели у гроба поэта всю ночь. <...>⁶ —
извещалось в «Хронике похорон».

Апрельские газеты были наполнены сообщениями о различных, порой весьма экзотических способах увековечения памяти покойного. В их числе рассматривалось и исследование мозга. В «Литературной газете» за 21 апреля 1930 года появилась специальная заметка, озаглавленная «Мозг В. В. Маяковского»; в ней давался краткий отчет об уже проделанной по итогам вскрытия работе и намечались общие перспективы работы дальнейшей:

Государственным институтом по изучению мозга 14 апреля в 8 час[ов] веч[ера] был извлечен мозг покойного В. Маяковского. По внешнему осмотру мозг не представляет сколько-нибудь существенных отклонений от нормы. Вес его 1700 граммов – при среднем весе у взрослого мужчины 1400 граммов.

Институт мозга приступил к предварительной обработке мозга В. В. Маяковского, чтобы приготовить его к микроскопическому изучению. В ближайшее время материалы, относящиеся к мозгу В. В., будут включены в коллекцию Пантеона ГИМ.

Институт мозга обращается ко всем близким и знакомым поэта с просьбой предоставить в его распоряжение все сведения, характеризующие В. Маяковского, а также соответствующие материалы: фото в различные периоды жизни, автографы, рисунки Маяковского, личные письма, записки и другие документы⁷.

Впоследствии о том, что делали «профессора из Института мозга», информировать народ перестали, и плотной завесой тайны оказалась покрыта не только смерть Маяковского, но и судьба его мозга. Многие специалисты безуспешно пытались приподнять эту завесу. Проводивший «журналистское расследование» «тайны гибели Владимира Маяковского» Валентин Скорятин попытался навести справки у тех, кто сегодня работает в Институте мозга. С их слов сообщенные в книге Скорятина сведения скудны и недостоверны:

Исследования института, по мнению новой власти, должны были подкрепить мысль о том, что большевистская идеология является «высшей стадией эволюции человечества». Коллекция и подбиралась в соответствии с этим. <...> В необычной коллекции оказались мозги Куйбышева, Кирова, Горького, Калинина, Сталина...

Как удалось мне выяснить, изъятие «материала» для исследований проводилось не сотрудниками института, да и круг лиц, чьи мозги попадали в лабораторию, определялся отнюдь не учеными мужами. И то, что фамилия Маяковского оказалась в «ряду избранных», верный знак того, что ход трагических событий контролируют всемогущие силы⁸.

Бесспорно здесь лишь одно умозаключение Скорятина: «Понятно, что не каждый покойник достаивался такой чести. Предметом научных изысканий мог быть мозг лишь определенных знаменитостей...»⁹

#

В отличие от Владимира Маяковского, первого поэта революции, писатель Андрей Белый (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) не был в большом фаворе у советской власти. Символист, мистик и антропософ, он считался носителем идеологии буржуазной, устаревшей, в лучшем случае – «попутнической». Андрей Белый умер после продолжительной болезни в начале 1934 года.

...В январский суровый вечер 1934 года я зашел в Анатомический музей одной из клиник на Большой Пироговской. Служитель провел меня в большое пустынное помещение. Там на огромном цинковом ложе я увидел смертное тело человека. Это было тем, что осталось от писателя Андрея Белого и – человека, Бориса Николаевича Бугаева.

Иное впечатление: это тело казалось не трупом, а было подобно совершенным созданиям гениального художника античных времен. Но художником была сама Природа, создавшая это совершенное тело, —

писал впоследствии Петр Никанорович Зайцев¹⁰, младший друг и литературный секретарь Андрея Белого. Вместе с женой писателя, Клавдией Николаевной Бугаевой, П. Н. Зайцев дежурил у больничной постели, после делил с ней тяжесть горя, бремя бюрократических и бытовых хлопот. Автор уникальных дневников и воспоминаний¹¹, П. Н. Зайцев запечатлел образ Андрея Белого в жизни и, как мы видим, в смерти.

Смерть наступила 8 января 1934 года от паралича дыхательного центра. Это установило вскрытие. 9 января в книге регистрации актов гражданского состояния сделали соответствующую запись. Тогда же, 9 января, в помещении Оргкомитета Союза советских писателей, в доме № 50 по улице Воровского, проходила гражданская панихида. 10 января состоялась кремация, а 16-го была готова урна: «8-гр[анная], сер[ая], мр[аморная], прод[олговатая] писателю т. А. Белому». 18 января урну захоронили на Новодевичьем кладбище.

Казалось бы, отныне жизнь и творчество Андрея Белого становятся исключительным достоянием мемуаристов, биографов, критиков. Но нет, сразу же в день смерти интерес к писателю был проявлен со стороны учреждения, весьма далекого от литературы. И этим учреждением опять-таки был Институт мозга: «Тело Андрея Белого очень скоро было перевезено из лечебницы имени Корсакова на Божениновской улице в клинику на Б. Пироговской – для вскрытия... и извлечения мозга...» – продолжал П. Н. Зайцев.

К работе над мемуарами об Андрее Белом П. Н. Зайцев обратился в 1950-е годы; помня главное, он упустил некоторые детали происходившего в те печальные январские дни, а может, просто не посчитал нужным о них писать. В его письме, датированном 11 января 1934 года, события трехдневной давности еще свежи в памяти и переживаются с непосредственной остротой¹²:

Его не стало. И с тем большей глубиной и любовью живет он в сознании, в памяти, в сердце. Живет очищенный, освобожденный от всего преходящего. 6 января я был у него в последний раз, ухаживая за ним, еще живым, с 3 ч. дня до 10 ч. вечера. Говорил с ним, слышал его голос, помогал ему. А 8-го – в понедельник, мне позвонили по телефону о его кончине. Он скончался в 12:30 дня. В два часа я был в клинике. Без слов обнялись с К[лавдией] Н[иколаевной]. Она открыла его лицо. Оно сияло улыбкой и было исполнено света и покоя. Это было лицо Дитяти и Мудреца, отрешенного от всего земного. К. Н. рассказала о его послед-

них минутах. Смерть его была тиха и спокойна. Он умер-уснул. За десять минут до конца он говорил с ней – о свете.

В половине третьего мы проводили его в анатомический зал клиники около Новодевичьего.

На другое утро в 10 часов мы с А[лексеем] С[ергеевичем]¹³ были в Анатомическом. Через час проф. Абрикосов¹⁴, производивший вскрытие, подошел к нам с Т[атьяной] П[авлов-ной]¹⁵ и рассказал нам, что они нашли в момент вскрытия. Большая часть сосудов мозга была захвачена склерозом. Был ряд кровоизлияний – первое в Коктебеле¹⁶ и последнее – 8 января. Положение было непоправимое. Лечение слишком запоздало. Полтора-два года назад нужно было приняться за серьезное лечение. Удар в Коктебеле, по словам проф. Абрикосова, только ускорил неизбежную развязку. Т. П. подтвердила это, когда мы остались вдвоем.

Мозг тотчас же после вскрытия поступил на исследование в Институт мозга...

Прощание с Андреем Белым не было обставлено столь помпезно, почетно и торжественно, как прощание с Маяковским. Не было ни специальных выпусков газет, ни многочисленных поспешных мемуаров родных и друзей; и имя Белого никому и ничему не было присвоено... Даже в скупых строках некрологических статей тщательно отмечалась чуждость писателя советской идеологии, советскому строю... Только в одном некрологе слова о Белом носили апологетический характер: его называли «замечательнейшим писателем нашего века», «гением». Этот некролог был напечатан в газете «Известия» и подписан тремя собратьями по перу, писателями Б. Л. Пастернаком, Б. А. Пильняком и Г. А. Санниковым¹⁷. Как оказалось, Пастернаку, Пильняку и Санникову принадлежало не только авторство некролога; именно они выступили инициаторами и другой «увековечивающей идеи» – сохранить мозг Белого для науки и потомства. Об этом недвусмысленно говорится в записных тетрадях Григория Александровича Санникова, молодого литератора-коммуниста, с которым Белый сблизился и сдружился в последние годы жизни: «В оргкомитете происходило заседание секретариата. <...> Почтили вставанием. Предоставили слово мне и Пильн[яку]. Образовали комиссию. Подошел Пастернак. Наметили порядок. Приехали в клинику, в анатомичку, оставили заявление о передаче мозга в Ин[сти]тут мозга. Заехали к Кл[авдии] Ник[олаевне]. Вечером засели за некролог»¹⁸.

Хвалебный некролог в газете «Известия» вызвал нешуточные нарекания властей. Всерьез обсуждались карательные меры, которые стоило бы принять в отношении авторов, переоценивающих талант и значение Белого. Санников чуть не поплатился за этот некролог партийным билетом... Однако и власти, вероятно, считали Белого гением: иначе не было бы отдано распоряжение об изъятии и сохранении его мозга...

Дополнительные нюансы истории, связанной с мозгом Белого, обнаружились в письме от 23 июня 1981 года, адресованном известному литературоведу Д. Е. Максимову. Автором письма была М. Н. Жемчужникова, знакомая Белого и подруга его жены. Со слов К. Н. Бугаевой, она вспоминала следующее:

Существовало какое-то медицинское учреждение, специально занимавшееся исследованием мозга умерших людей (конечно, не всех подряд, а выдающихся). Туда был направлен и мозг Бориса Николаевича.

Из этого заведения приходили сотрудники к Клавдии Николаевне и очень допрашивали – не был ли Борис Николаевич левшой. И очень удивлялись, что не был. Она тоже удивлялась их вопросу. Было бы интересно узнать, какие именно особенности этого мозга наводили их на мысль, что он был левшой¹⁹.

Итак, в январе 1934 года коллекция Института мозга пополнилась еще одним экспонатом – мозгом Андрея Белого.

#

Поэт Эдуард Багрицкий умер от астмы 16 февраля 1934 года. И сотрудники Института мозга пришли расспросить о покойном его близкого друга, того самого писателя, который в 1930 году нарисовал столь экспрессивную картину изъятия мозга Маяковского, – Юрия Олешу. Об этом Олеша не стал красочно рассказывать: или не посчитал нужным, или, скорее всего, уже не был так потрясен. В 1930-е годы изъятие мозгов знаменитых людей ставилось на поток. Коллекция института стремительно пополнялась. Общество привыкло к столь экзотической форме увековечения памяти усопших гениев и с уважением относилось к дерзаниям ученых. «Московскому институту мозга суждено приподнять острием своих выводов мистическую завесу, веками прикрывавшую проблемы мозговой коры, – писала газета „Правда“. – Мозговая кора, этот сгусток индивидуального опыта, не представляет собой однородно построенного органа. Мозговая кора разделяется на так называемые территории и поля различных структур. И здесь, в этих структурных соотношениях, в архитектонике коры большого мозга, институт ищет истоки гениальности»²⁰.

Смерть Ленина – от тела к мозгу

В Советской России эталон гениальности был известен. Им служил вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов (Ленин). Его мозг был заведомо гениальнее прочих гениальных мозгов.

Владимир Ильич Ленин умер в 18 часов 50 минут 21 января 1924 года. Этой смертью было положено начало знаменитой коллекции Института мозга, той самой коллекции, в которую потом попали и Белый, и Багрицкий, и Маяковский.

Впрочем, все произошло не сразу. Канонизация вождя совершалась постепенно – можно сказать, по частям. В ночь на 22 января была создана правительственная комиссия по организации похорон (впоследствии – по увековечению памяти) В. И. Ленина²¹. Эта комиссия работала долго и занималась присвоением имени Ленина городам, предприятиям и учреждениям; контролем за изображением вождя в живописи, литературе и мемуаристике; собиранием его архива; изданием произведений; возведением памятников и многими другими делами. Среди них первостепенным было – определиться с ритуалом погребения и решить судьбу тела вождя после похорон. Перебирались возможные варианты.

Сначала думали только о том, чтобы сберечь тело «на некоторое время» (с помощью временного бальзамирования и при поддержке зимней стужи) – чтобы советские люди могли проститься. Потом от идеи «временного» сохранения перешли к мечтам о постоянном.

Думали о возможности мумифицирования и опыте Древнего Египта, о заспиртовывании, которое практиковали в России при Петре I... Глубокая заморозка тела, предложенная в конце января Л. Б. Красиным, казалась первоначально самой привлекательной и перспективной. Сейчас глубокая заморозка, именуемая красивым словом «креонирование», все больше входит в моду, прежде всего на Западе. Однако в российских условиях середины 1920-х годов она допускала риск оттаивания; да и холодильную аппаратуру, специально закупленную для этого, не успевали смонтировать до того, как в теле произойдут необратимые процессы разложения...

Не исключали и самого простого, естественного варианта – почетного погребения тела на Красной площади. Одни предлагали предать тело вождя земле – из соображений следования традиции, другие просто не верили в возможность длительного сохранения тела²².

Выбор варианта музеефикации и экспонирования тела в мавзолее был определен сугубо политическими доводами.

– Вы видели за эти дни паломничество к гробу Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся, – говорил Сталин на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года. – Через некоторое время вы увидите паломничество миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара²³.

Итак, был выбран курс на организацию паломничества. Однако только в начале марта, в преддверии весенней оттепели, было принято решение «удалить внутренности, лицо покрыть вазелином»²⁴ и все-таки наконец определить наиболее подходящий способ длительного сохранения тела. И лишь в конце месяца победила концепция бальзамирования, предложенная Б. И. Збарским и В. П. Воробьевым²⁵. «Мощи» вождя, полученные в результате работы по их методике, действительно привлекли паломников, они и сегодня лежат в Мавзолее на Красной площади.

Внимание к мозгу Ленина было приковано ничуть не меньше, чем к его телу. Ведь именно тяжелая, не вполне ясная по происхождению болезнь мозга послужила причиной столь раннего, в 53 года, ухода вождя из жизни. Детальное описание чудовищных поражений тканей и сосудов мозга занимало центральное место в сообщениях о смерти, протоколах вскрытия, отчетах патологоанатомов, мемуарах врачей.

Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. Основная артерия, которая питает примерно $\frac{3}{4}$ всего мозга, – «внутренняя сонная артерия» (...) при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости. (...) Отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собой не трубочки, а шнуры: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. (...) На всем левом полушарии оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам кровь, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани. Такая же киста констатирована была и в правом полушарии. (...) С такими сосудами мозга жить нельзя, —

информировал о том, «что дало вскрытие тела Владимира Ильича», нарком здравоохранения Н. А. Семашко²⁶.

Наркому вторили другие:

Вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола, — тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга. (...) Общий ствол левой артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. (...) Артерия основания мозга оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь в толщину булавки...²⁷

... в момент вскрытия мозг предстал перед присутствовавшими на нем врачами в обезображенном виде, с рубцами, извратившими очертания наиболее благородных в функциональном отношении извилин его. (...) Краса его – извилины – запали; пострадало серое и белое вещество, окраска изменилась на оранжевую; образовались кисты и очаги размягчения²⁸ и т. п.

В этих и многочисленных им подобных описаниях все было неладно. Во-первых, вес мозга вождя оказался невелик (1340 граммов), не превосходил нормы и даже чуть-чуть до нее недотягивал. В принципе, ученым давно было известно, что вес мозга не влияет на особенности, интенсивность и качество умственной деятельности, но все-таки... Ведь мозг Тургенева весил 2012 граммов, мозг Байрона – 1800 граммов. А в случае с Лениным особенно хотелось, чтобы человек такого выдающегося, могучего ума обладал и выдающимся, могучим и во всех смыслах весомым мозгом.

Во-вторых, неясная болезнь, разрушившая орган мысли вождя мирового пролетариата, требовала именованья и объяснения. Последнее было особенно важно, так как активно циркулировали требующие немедленного опровержения слухи о ее «специфическом» люэтическом²⁹ происхождении.

В обоих случаях на помощь науке патоанатомии пришла идеология. С весом справились быстро. Если прежде говорили о том, что обычный вес мозга примерно 1395–1400 граммов, то теперь стали называть нормой мозг и в 1300 граммов.

Кроме того, использовали и фактор болезни, уничтожившей часть мозговых тканей. «Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300–1400 граммов. Если себе представить здоровый мозг Владимира Ильича, то, принимая во внимание его сложение, в нем

было, вероятно, около 1400 граммов, то есть несколько выше среднего», – сообщил известный психиатр В. П. Осипов, опираясь на «личные впечатления» о «болезни и смерти Владимира Ильича Ульянова-Ленина». Зато, продолжал он, «здоровые отделы мозга были развиты очень хорошо, что указывает на мощный мозг. И вообще при той степени поражения, которая была, нужно удивляться, как его мозг работал в этом состоянии, и надо полагать, что другой больной на его месте уже давно был бы не таким, каким был Владимир Ильич во время своей тяжелой болезни»³⁰.

Причину болезни и смерти тоже обнаружили: «Самый характер склероза определен в протоколе вскрытия как... склероз изнашивания, отработки, использования сосудов. Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича у нас и за границей относительно характера заболевания»³¹. Уникальный недуг оказался прежде всего «результатом перенапряжения в работе, чрезмерной мозговой деятельности, тяжелых условий революционного подполья, тюрьмы, ссылки и эмиграции»³². Как пояснял Н. А. Семашко, склероз изнашивания «поразил прежде всего мозг, то есть тот орган, который выполнял самую напряженную работу за всю жизнь Владимира Ильича; болезнь поражает обычно „наиболее уязвимое место“. (...) Таким „уязвимым“ местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударяли прежде всего по мозгу»³³.

Попытки медиков производить философские, психологические и даже порой эстетические обобщения на основе визуального наблюдения над извлеченным больным органом начались вскоре после публикации результатов вскрытия.

Дивно художественная картина строения мозга оказалась нарушенной болезненным процессом. (...) Волевые импульсы (стальная воля) и гениальные мысли зарождались, выковывались в головном мозгу. (...) Мозг у него был развит чрезвычайно. Колоссальное напряжение ума, его феноменальная производительность сопровождалась чрезмерной выработкой мозговых гормонов, их перепроизводством. (...) Вся духовная жизнь вождя мирового пролетариата и выдающегося ученого-экономиста сосредоточилась на ограниченной территории головного мозга весом 1340 граммов. В нем умственная жизнь, энергия била могучим фонтаном и котла, как в горниле. Мозг Ленина работал иногда бурным порывом. (...) Бессмертный дух Ленина воплотился в человеческом теле, правда на редкость крепком и здоровом, но все же смертном. Между ними оказалось несоответствие: телесная оболочка не выдержала духовного напряжения. Мозг вышел победителем, но служебная, подсобная соединительная ткань в нем оказалась несостоятельной, откуда липоидное перерождение, склероз, обызвествление, ломкость, сужение сосудов, – размягчение и кровоизлияние в мозгу... —

вдохновенно писал один из крупнейших отечественных патологоанатомов – Н. Ф. Мельников-Разведенков.

Впрочем, стремлением соединить объективные медицинские данные с идеологической установкой на подтверждение гениальности вождя отличились тогда не только знатоки мозга. Так, доктор А. Н. Кожевников, наблюдавший Ленина с 1922 года, объяснял течение болезни пациента, «несвойственное обычной картине общего мозгового атеросклероза», тем, что у «выдающихся людей... все необычно: как жизнь, так и болезнь течет у них всегда не так, как у других смертных»³⁴.

Аналогичные попытки предпринял даже дантист вождя В. С. Юделович. Выступая 18 февраля 1924 года на вечере памяти В. И. Ленина в Московском одонтологическом обществе, он поделился с коллегами-медиками следующими соображениями о зубах В. И. Ленина: «...нельзя ли по конфигурации зубов судить о характере человека. (...) И если, в частности, говорить о зубах В. И., то его зубы, крепкие по конструкции, желтого цвета (по расцветке Аша

F₅), в общем, правильные по форме, расположению и смыканию. Верхние резцы – широкие (ширина режущего края почти равна коронке зуба), с сильно развитым режущим краем, загнутым внутрь (к нёбу), – и зубы его, без сомнения, прекрасно гармонировали с общим впечатлением прямоты, твердости и силы характера»³⁵.

Очевидно, что в этом вопросе «мозговеды» имели значительно большие преимущества, чем дантисты, окулисты и т. д. Во-первых, мозг все-таки действительно является органом высшей нервной деятельности, и гениальность, уникальность, индивидуальность личности, как правило, искали именно в мозге, а не, к примеру, в прикусе. Здесь существовали и традиции, и перспективы. Во-вторых, к робким, порой кажется, что вымученным, принужденным и подневольным потугам медиков воспеть больной мозг вождя активно подключились политики, обобщившие и переложившие на свой язык диагнозы врачей. В их арсенале было больше пафоса, больше экспрессии, больше образности.

«Лучшие представители науки ⟨...⟩ лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка», – говорил на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов 7 февраля 1924 года Г. Е. Зиновьев³⁶.

Еще раньше (26 января) и еще ярче ту же мысль выразил в речи на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Л. Б. Каменев:

Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! ⟨...⟩ Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю ⟨...⟩ эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощь которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только свою кровь отдал по капле, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупницы, по всем концам мира, чтобы капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями...³⁷

Естественно, что при таком осмыслении мозговых поражений Ленина его мозг, погибший в результате «изнашивания», то есть беззаветного служения делу построения коммунизма и пролетарской революции, должен был – подобно забальзамированному телу, подобно пуле Каплан, извлеченной при вскрытии, подобно рукописям и мемориальным вещам – стать объектом культа и предметом музейного экспонирования. Так и случилось. Сохранилась датированная 24 января 1924 года расписка о том, что «представитель Института В. И. Ленина тов. Аросев» (А. Я. Аросев, крупный партийный и государственный деятель, впоследствии репрессированный, был в 1924 году ответственным хранителем рукописей Института В. И. Ленина) получил от А. Я. Беленького (члена коллегии ГПУ, осуществлявшего передачу всех материалов о болезни вождя в Институт В. И. Ленина)³⁸ ценнейший экспонат:

Я, нижеподписавшийся Аросев, получил от тов. Беленького 24-го сего января 18 часов 25 минут вечера для Института В. И. Ленина стеклянную банку, содержащую мозг, сердце Ильича и пулю, извлеченную из его тела.

Обязуюсь хранить полученное в Институте В. И. Ленина и лично отвечать за его полную целостность и сохранность³⁹.

А вскоре о том, что «мозг и сердце Владимира Ильича были переданы в музей имени Ленина на Дмитровке в Москве», сообщал В. П. Осипов на лекции, читанной 14 марта 1924 года в Ленинградском доме просвещения им. Г. В. Плеханова. Он настойчиво рекомендовал: «Если будете в Москве, то я советую посетить этот музей. Там собрано все, касающееся Владимира Ильича, начиная с рождения и кончая смертью. Там имеются его детские портреты, палатка, котелок – вещи, которые были в его распоряжении, когда он скрывался от властей в Финляндии, – одним словом, все, что можно было собрать. Туда поступил и его мозг»⁴⁰.

Однако в музее на Дмитровке этот необычный экспонат пролежал недолго. В отличие от тела и уж тем более от палатки и котелка, мозг вождя мог служить не только объектом внешнего почитания, но и предметом серьезных научных изысканий. Эту общую для медиков и государства установку в форме своеобразной врачебной клятвы нового времени выразил Н. Ф. Мельников-Разведенков:

Теперь, когда наступила физическая смерть В. И. Ленина, выдающегося ученого и мыслителя, мы, его современники и участники в советском строительстве, считаем долгом почтить память защитника обездоленных изучением найденных при вскрытии его тела изменений в мозге и сделаем это на основании новейших данных науки, которую В. И. Ленин ценил и ставил высоко. (...) Интерес к изучению мозга Ленина нарастает при мысли, что это мозг гениального человека⁴¹.

Правда, результат обещанных научных изысканий был predetermined заранее.

Мозг Ленина: в поисках материалистической основы гениальности

В 1925 году была организована специальная лаборатория по изучению мозга Ленина⁴². Руководить ходом научных работ пригласили известного немецкого невролога Оскара Фогта (Vogt; 1870–1959). С 1919 года он возглавлял Нейробиологический институт в Берлине. В 1931 году Нейробиологический институт был преобразован в берлинский Институт мозга, и Фогт директорствовал в нем до 1937-го. Потом, видимо из-за неладов с властями, он был вынужден уехать из столицы. В юбилейной статье к столетию ученого об этом писалось так: «... в период фашистского режима в Германии О. Фогт за свои прогрессивные идеи и убеждения, а также за дружеское отношение к СССР подвергался преследованиям. В 1937 году, в возрасте 66 лет, О. Фогт был вынужден оставить свой пост и покинуть созданный им институт в Берлин-Бухе. Несмотря на крайне тяжелые условия, О. Фогт не утратил свойственной ему энергии и организовал небольшой институт в Нейштадте (Шварцвальд), где и продолжал работать до последних дней»⁴³. В 1959 году имя Оскара Фогта и его супруги и соратницы Цецилии Фогт было присвоено Институту мозга в Нейштадте. О. Фогту и его научной карьере посвящен также и роман немецкого писателя Т. Шпенглера⁴⁴, в котором образ ученого далек от идеала, а его жизнь представлена как полная авантюрных и сомнительных предприятий. Впрочем, это художественное произведение, беллетристика, и степень документальности и достоверности на данный момент проверить не представляется возможным. Сотрудники же Московского института мозга видели в Фогте «выдающегося представителя науки о строении, функции и патологии головного мозга»⁴⁵. Того же мнения придерживалось и советское правительство.

В 1920–1930-е годы связи СССР и Германии крепили, немецкая наука вообще пользовалась уважением, а теснейшие контакты с немецкими медиками возникли и были налажены еще в период длительной болезни Ленина. К началу 1920-х годов относится и установление сотрудничества с О. Фогтом.

С 23-го или 24-го года в Москву время от времени приезжал Оскар Фогт, знаменитый невропатолог, невролог и мозговик, создавший учение об архитектонике полушарий большого мозга. Он сперва принимал участие в лечении Ленина, на какой-то консилиум приезжал сюда. Потом, после смерти Ленина, возник вопрос об изучении мозга Ленина. И вот уже после смерти Ленина, в 1925 году, Фогт снова для этого приехал в Москву, – вспоминал знаменитый русский генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. – Он такой левонастроенный очень был гражданин. Они оба с Лениным в 70-м году и, по-моему, в одном и том же месяце родились даже. Интересный был человек. Он и физически был очень похож на Ленина: был столь же лыс, такая же борода у него козлиная была и взгляд очень схожий. И говорил он, когда доклады делал, говорил тоже очень похоже. Вот бывают на свете, изредка попадаются, так называемые двойники. Вот он вроде двойника был с Лениным⁴⁶.

Следует отметить, научные связи Фогта с Россией не были ограничены только изучением мозга Ленина. Так, с именем Фогта была теснейшим образом связана судьба и карьера Н. В. Тимофеева-Ресовского (Тимофеев-Ресовский попал в Берлин по инициативе Фогта и завел лабораторию генетики в институте, возглавляемом Фогтом). Также благодаря Фогту в конце 1920-х годов была создана в Москве и русско-немецкая лаборатория расовой (географической) патологии, деятельность которой представляет немалый идеологический интерес и будет рассмотрена нами в дальнейшем. Сейчас же ограничимся работой Фогта по изучению мозга Ленина.

По свидетельству самого О. Фогта, он «в 1925 году получил от тогдашней коммунистической партии приглашение научно обработать мозг Ленина»⁴⁷. Приглашение было принято. Работа началась. По проекту Фогта в Германии было изготовлено специальное оборудование для исследования: микроскопы, фотолаборатория и многое другое. Особенно важны были «мозгорезательные» аппараты – макротом, расчленяющий мозг на несколько крупных кусков, и микротом, позволяющий приготовить из куска мозга множество тончайших срезов. Советские ученые отправились в Германию стажироваться и овладевать сложным методом исследования, предложенным Фогтом:

Метод этот, так называемый цитоархитектонический, – информировала газета «Известия» массового читателя о новейших достижениях науки, – основан на изучении расположения и строения нервных клеток в головном мозгу. Профессор Фогт поставил себе задачей на основе такого изучения определить материалистические основания для объяснения гениальности Ленина и его психических особенностей. <...> В мозгу человека профессор Фогт различает так называемые клетки-зерна и клетки пирамидальные. Отличие пирамидальных клеток от клеток-зерен состоит в том, что первые гораздо крупнее, разветвляют свои отростки гораздо гуще и посылают эти отростки на очень далекие расстояния (до 1 метра). Таким образом, пирамидальные клетки соединяются отростками (ассоциируются) с другими клетками и служат базой для более высокой психической жизни и деятельности. Профессор Фогт различает ряд слоев (до 7) коры головного мозга, причем особенное распространение пирамидальные клетки имеют в 3-м слое от поверхности мозга⁴⁸.

Думали, что именно в нем и скрыта «материальная база психической одаренности».

На метод Фогта возлагались большие надежды.

Изучение тонкого гистологического строения нервных клеток и их отростков как элементов нервной системы – дало возможность установить (исследования проф. Фогта), что цитоархитектоника, то есть строение и расположение нервных клеток и их отростков, представляет сложную, градативно усложняющуюся картину – от низших животных к высшим и от обезьян к обыкновенным и одаренным людям. И это разнообразие цитоархитектонического строения коры головного мозга как в пределах различных, так и однородных групп животного царства, включая человека, – дает нам возможность материалистического, научного познания механики головного мозга и тем самым проблемы одаренности и гениальности современного человека. <...>

Трудами крупнейшего немецкого ученого профессора О. Фогта, расчленяющего человеческие мозги при помощи микротомов на десятки тысяч тонких срезов (свыше 30 000 срезов), положена основа учения о цитоархитектонике головного мозга, являющейся ключом к объяснению гениальности и одаренности человеческой психики⁴⁹.

Первые результаты изучения мозга Ленина были получены только через два года. В 1927 году Фогт выступил с отчетным докладом перед ответственными работниками.

При сравнении препаратов мозга Ленина (с него сделано 34 тысячи срезов) с препаратами, сделанными из мозга средних людей, что демонстрировал профессор Фогт, была видна резкая разница в структуре мозга Ленина и обычного человека. Пирамидальные клетки у Ленина развиты гораздо сильнее, соединительные (ассоциативные) волокна между ними развиты гораздо больше; клетки-зерна также значительно крупнее и ярче. Этим профессор Фогт объясняет особенности психики Ленина. Умственная жизнь Ленина имела несравненно большую материальную базу – более развитые пирамидальные клетки и клетки-зерна; ассоциативная, комбинаторская способность Ленина была много выше – доказательством этому служат более развитые соединения между пирамидальными клетками; чувство действительности <...> и проверка получаемых впечатлений Ленина были гораздо выше: ощущения и впечатления, получаемые в одном месте, исправлялись и пополнялись целым рядом других пирами-

дальних клеток с их соединительными отростками. Так профессор Фогт объясняет основные черты психики Ленина, его гениальность, его способность быстро разбираться в сложных положениях и вопросах и его способность к быстрой акции (действию)⁵⁰.

Таинственный «третий слой» стал настоящим козырем в руках исследователей ленинского гения: «И вот этот-то третий слой оказался необыкновенно богато построенным и по размерам самого слоя, и по архитектуре строения пышно разветвляющихся и далеко простирающихся отростков нервных клеток». А это находилось в непосредственной связи с «быстрыми и правильными поступками и выводами» вождя⁵¹.

Доложенные правительству результаты были признаны впечатляющими, а работа, проводимая советскими специалистами под руководством О. Фогта, – перспективной. Пресса захлебывалась от восторга. Уже виделся «человек будущего», прояснялось его «цитоархитектоническое обличье»:

Тщательное изучение мозга нашего гениального современника В. И. Ленина и сравнение тонкого архитектурного строения его с мозгами людей среднего психического уровня выявляет необычайное богатство материального субстрата – архитектуры строения и развития нервных клеток и нервных отростков коры мозга Ленина, который (то есть мозг) является несомненно прототипом мозга грядущего сверхчеловека. <...>

Таков материальный субстрат мозга и такова богатая психика несомненного гения нашего времени, которые дают нам право говорить о необычайном психическом развитии грядущего сверхчеловека, образ которого воплощается в тех проблесках гениальности, которые от поры до времени озаряют современное человечество⁵².

Вскоре, в 1928 году, лаборатория по изучению мозга Ленина была преобразована в Институт мозга. Задачи нового научного учреждения стали шире и предполагали сравнение мозга Ленина с мозгами не только средних людей, но и людей выдающихся, пусть не столь великих, как Ленин, но все же...

В направлении консервированной гениальности

В 1920–1930-е годы авторитет науки был необыкновенно высок. Общество поддерживало, пропагандировало, финансировало самые смелые, самые экстравагантные, самые утопичные научные проекты, многие из которых производили впечатление безумия, а иногда и впрямь с безумием граничили. Научная революция захватила весь мир (и Америку, и страны Европы), но в России естествознание получило особо значимый идеологический статус, претендовало на то, чтобы заменить собой запрещенную большевиками религию и дать обоснование преимуществам нового социального строя. Наука под руководством партии повела сокрушительную атаку на тайны природы. Всерьез заговорили о скорой победе над сном и усталостью, над старостью и смертью, о возможности оживления трупов...

В моде оказались проводимые философом и ученым А. А. Богдановым опыты по обменному переливанию крови. Их целью было омоложение нации, продление жизни индивида и, наконец, достижение «физиологического коллективизма» в масштабе государства. Для этого требовалось всего лишь связать страну узами кровного родства путем обменного переливания крови от стариков к молодым, от ветеранов партии к представителям подрастающего поколения...⁵³

Огромную популярность приобрели многочисленные эксперименты по всевозможному скрещиванию всего со всем или по пересадке семенных желез, введению половых гормонов и т. п., также призванные доказать возможность омоложения, продления жизни и, в пределе, – достижимость личного бессмертия...⁵⁴

Отдельной областью, вдохновляющей на научное дерзание, стала «жизнь органов вне организма». Захлебываясь от восторга, пресса писала об успехах – о том, как высушенные уши кролика и пальцы человека сохраняют свои жизненные функции после размачивания; о том, как выложенные на тарелку кусочки сердца сокращаются, размножаются, растут, а отрезки кишечника переваривают... Но подлинным достижением в этой сфере стали опыты с отрезанной собачьей головой, доказывающие, что и мозг «может жить некоторое время вне организма»: «Глаза изолированной головы видят: если поднести палец к глазу – веки моргают; челюсти производят дыхательные движения, введенная в рот пища проглатывается (и, конечно, вываливается через перерезанную глотку). (...) Если раздражить нос, например пером, голова приходит в сильное возбуждение. Раз при таком опыте голова начала усиленно открывать и закрывать рот, как бы пытаясь укусить; пришлось удерживать ее руками, чтобы она не свалилась с тарелки, на которой лежала...» Эти эксперименты составляли особую гордость отечественной науки, ибо в них Россия опередила мир: «За границей (...) голова „жила“ очень недолго – не более получаса, да и проявления жизни были очень слабые»⁵⁵.

Широкая пропаганда подобных научных экстравагантов порой вызывала не восторг, а оторопь, смятение, нравственный протест.

Знаете, опыты доктора Воронова, современного доктора Моро (помните роман Уэллса?), еще не так страшны, как кажется. Он желает естественным путем получить гибрид человека и обезьяны... – делился с Андреем Белым мыслями о науке известный критик Иванов-Разумник. – Опыты доктора Воронова страшны не фактом, а направлением. (...) Но есть и пострашнее Воронова. Как раз в тот день, что я сел писать письмо к Вам, в вечерней газете прочел, что творится у Вас в Москве. (...) Построен прибор, в котором циркулирует ток свежей крови, – сложная сеть трубок в ванне определенной температуры. У живой собаки отрезали голову и включили ее в циркуляцию крови прибора. Голова продолжала жить, глаза моргали, уши двигались. «Было установлено, что и внутренние отправления происходят нормально». Собака открывала рот и «двигала конечностями». (...) Вот это пострашнее Воронова. Сегодня –

собака, завтра – отпрепарируют голову человека, приговоренного к «высшей мере наказания» ⟨...⟩ и «включат» ее в прибор. Послезавтра место прибора заступит тело другого человека, тоже приговоренного к «высшей мере» и лишеного головы: голову одного к туловищу другого. Еще шаг – и голова Бетховена будет прилажена к туловищу удава. ⟨...⟩ Пусть «завтра» – столетие, «шаг» – миллион верст, но ведь дело в принципе и *первом шаге*. Удивительно, как тупо реагируют «люди науки» на требование этического принципа, как затыкают они уши, слыша это требование⁵⁶.

Аналогичным образом, с чувством глубочайшего омерзения и ужаса, реагировал на «дурнопахнущие» опыты по омоложению, скрещиванию, пересадке семенников и т. п. и сам Андрей Белый, доказывающий, что человечество придет к катастрофе, «если в науку в наши дни, теперь, сейчас же, не ввести „моральной“ ноты»: «Эта „наука“, к которой катимся на всех парах, есть уже не „наука“ в добром старом смысле еще недавнего Гельмгольца, а – отвратительная „гнузь“, „черная магия“»⁵⁷. Сходным чувством страха и тревоги пронизаны и некоторые художественные произведения эпохи, отражающие и осмысляющие успехи современного естествознания: например, роман «Голова профессора Доуэля» (1925) А. Р. Беляева, повести «Собачье сердце» (1925), «Роковые яйца» (1925) М. А. Булгакова и др.

Однако «испуганных» было гораздо меньше, чем «вдохновенных». Большинство возлагало на науку огромные надежды и требовало от нее немедленных практических результатов. В этом плане характерны претензии к врачам, не сумевшим спасти Ленину жизнь, высказанные от имени народа красноармейцами: «Неужели нельзя было сделать омоложение? Ведь говорил же наш политрук, что Клемансо – наш враг – омолодился»⁵⁸. Аналогичные сетования встречаются, например, и у Бабеля, в мемуарном очерке, написанном в связи со смертью Багрицкого: «Багрицкий умер 38 лет, не сделав и малой части того, что мог. В государстве нашем основан ВИЭМ – институт экспериментальной медицины. Пусть добьется он того, чтобы бессмысленные эти преступления природы не повторялись больше»⁵⁹.

В контексте научных исканий эпохи следует рассматривать и предпринятую – на основе исследования мозга – попытку посмертной диагностики гениальности. Эта задача была не менее важна, чем, к примеру, изучение жизни изолированной головы или кроличьих ушей.

Строительство нового социалистического общества предполагало рождение нового человека, совершенного человека, «грядущего сверхчеловека, для которого гениальность поистине станет ординарным явлением»⁶⁰. Тайну гениальности с увлечением искали неврологи и психологи, евгеники и генетики, биологи и педологи... Оперировать понятиями «сверхчеловек», «высшая раса», «низшая раса» поначалу боялись гораздо меньше, чем, к примеру, оказаться обвиненными в витализме, идеализме или, напротив того, – в механицизме. Главное было прочно стоять на платформе диалектического материализма, что оказывалось весьма трудно и, судя по масштабности репрессий, опустошивших поле отечественной науки, удавалось далеко не всем⁶¹. Изучение мозгов, извлеченных из черепов выдающихся людей, было тем более уместно и актуально, ибо предметом исследования становился здесь непосредственно сам материальный носитель высшей нервной деятельности.

Впрочем, мозги интересовали и русскую, и мировую науку. Работы шли в разных направлениях. Одни по-прежнему указывали на существование связи между весом мозга и одаренностью его носителя. Другие подчеркивали значимость изучения артерий и сосудов мозга. Третьи упирали на складки, борозды и извилины. Четвертые считали определяющим структуру волокон, миеоархитектонику. Пятые – клеточную структуру мозга, цитоархитектонику и т. п. Исследовали все мозги, которые удавалось добыть. С материалом было трудно. В основном им становились мозги профессуры, ученых-естественников⁶²: они и их родственники, вероятно, были менее предубеждены против вскрытия и других манипуляций с трупом. Существо-

вала и давняя традиция – завещать мозг, череп, тело и т. п. родному университету для изучения и на память.

Реже науке доставались люди искусства. В 1915 году была подвергнута анализу половина мозга писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) – другая половина не сохранилась⁶³. В 1924–1925 годах занялись мозгами поэтов – Ованеса Туманяна (1869–1923) и Валерия Брюсова (1873–1924)⁶⁴.

С трудностями в добывании мозгов и оглашении результатов научных изысканий встречались и европейские «мозговеды». Судя по всему, проблемы с «материалом» испытывал в Германии О. Фогт. Возникали препятствия морального порядка и у «французского врача Гильома, которому было поручено исследование мозга знаменитого французского писателя Анатоля Франса» (1844–1924). Об этом с горечью информировал в 1925 году журнал «Медицинский работник»: «Гильом... указал на большой научный интерес, который связан с изучением такого мозга. К сожалению, семья покойного не согласилась с ним относительно того, чтобы опубликовать его наблюдения. Д-р Гильом ограничился поэтому, в настоящее время, сообщением того, что в отношении амплитуды, числа и тонкости извилин мозг Анатоля Франса представляет из себя мозг-уникум»⁶⁵. Трудно предположить, что хотел сказать д-р Гильом «в отношении амплитуды, числа и тонкости извилин», но и во Франции сопротивление семьи было преодолено. А мозг А. Франса стал широко известен как пример самого легкого из всех «выдающихся» мозгов (чуть более килограмма) и отныне служил и служит главным аргументом против увязывания веса мозга и одаренности.

Ярым борцом с предрассудками семьи и близких выдающихся покойников выступил знаменитый русский ученый, основатель ленинградской Психоневрологической академии и Рефлексологического института академик В. М. Бехтерев. Связью особенностей мозга с гениальными качествами его носителя Бехтерев интересовался давно, еще с дореволюционных времен. Один из вариантов своего подхода к проблеме он продемонстрировал на примере исследования мозга Д. И. Менделеева (1834–1907) – в известной работе 1909 года, вышедшей в Германии на немецком языке⁶⁶. Впоследствии Бехтерев писал, что мозг великого химика сохранился только «благодаря содействию близкого ему профессора физики Егорова и просвещенному отношению жены к проблеме вскрытия»⁶⁷. Подобное «понимающее» отношение ученые встречали не всегда. Так, мозг знаменитого русского пианиста, композитора и дирижера, основателя первой русской консерватории А. Г. Рубинштейна (1829–1894) спасли «для посмертного исследования и потомства благодаря тому, что вскрытие удалось провести тайком от его родных», а мозг Льва Толстого и вовсе был «отдан на съедение червям вследствие преступного отношения окружающих лиц к памяти великого писателя». «Надо заметить, – сетовал Бехтерев, – что своевременно посланная мною телеграмма с просьбой о вскрытии в Ясную Поляну к д[октору] Маковецкому, бывшему неотложно около Л. Н. Толстого в предсмертный период его жизни, осталась без ответа, и мы были лишены возможности не только иметь драгоценную реликвию в виде консервированного мозга гениального творца „Войны и мира“, но и что-нибудь сказать в ответ на вопрос, какими особенностями отличался мозг „великого писателя земли русской“».

О создании пантеона СССР

Именно Бехтерев стал родоначальником перспективной идеи собирания коллекции мозгов. Этого ученого вообще отличали красота и глобальность поставленных задач. В данном случае ему виделась не просто коллекция, а – Пантеон. В Античности пантеон являлся местом одновременного почитания нескольких богов, храмом всех богов. Величайшее культовое сооружение древней культуры – римский Пантеон; он один сохранился до Нового времени... В «светском» варианте пантеон возродился в революционной Франции XVIII века: парижский пантеон функционировал как парадная усыпальница героев и жертв революции. Теперь на повестке дня стоял социалистический пантеон.

19 июня 1927 года в одной из самых читаемых и авторитетных центральных газет, в «Известиях», публикуется статья «О создании Пантеона в СССР», в которой Бехтерев – в порядке предложения – представил свои мысли по этому вопросу на суд широкой общественности⁶⁸:

Можно было бы создать настоящий пантеон для всего СССР. Но этот пантеон не должен уподобляться парижскому Пантеону, хранящему в себе гробницы с истлевающими останками небольшого числа великих людей и вообще не имеющему никакой научной ценности. Пантеон, который могла бы создать Советская Россия, должен быть высокополезным научным учреждением и в то же время учреждением общественного характера, доступным осмотру всех желающих. Он явился бы собранием консервированных мозгов, принадлежащих вообще талантливым лицам, к каким бы областям деятельности они ни относились, и в то же время пропагандой материалистического взгляда на развитие творческой деятельности человека.

Организация такого пантеона представлялась Бехтереву задачей не только важной, но и срочной, не терпящей никаких отлагательств, потому что

в наш бурный период пламенной работы над строительством СССР люди быстро сгорают. Почти каждый день приносит нам вести о смерти того или иного знаменитого деятеля, тленные останки которого опускают в могилу. {...}

Почти на днях умер Кустодиев, ранее умер Васнецов – великие творцы в мире изобразительного искусства, не так давно умер поэт Есенин, еще раньше умер поэт Блок, не очень давно умер замечательный деятель Дзержинский, а еще ранее – не менее замечательный военный специалист Фрунзе, затем не много времени прошло, как умерли видные деятели науки – академики Светлов и Кравков и огромный ряд других талантливых специалистов по различным отраслям знания и общественности. Все эти потери мы испытали в течение нескольких последних лет, можно сказать, что они произошли на наших глазах. Мы скорбим об умерших талантах, живших рядом с нами, вспоминаем об их великих заслугах перед СССР и в то же время не задумываясь предаем земле их творческий мозг на съедение червям. И ни в одном из случаев никто из близких к умершим не подумал сохранить для потомства их мозг – эту драгоценную часть человеческого существа, которая, собственно, и обуславливает творческую деятельность человека.

Бехтерев подробно изложил доводы в пользу создания пантеона. Конечно же, не была забыта идеология: «Как было бы хорошо, если бы к десятилетию Великого Октября этот вопрос был бы решен в положительном смысле и тем самым была заложена основная база будущего Пантеона всего СССР».

Но на первом месте все же стояли доводы научные:

Люди науки, стоящие ближе к изучению гениальности и одаренности, скорбят вместе с другими об угасшей жизни того или другого великого или даже просто талантливого человека, представляющего собой невозвратимую потерю в общественном смысле. Но вместе с тем они не могут не сокрушаться, что при опускании в могилу тела великого человека утрачивается

навсегда без пользы для кого бы то ни было и тот драгоценный материал, который давал бы возможность обнаружить путем его тщательного изучения и воочию показать, чем выражается в самой пластике мозга, во внешнем строении его борозд и извилин, в структуре их клеточных слоев, в развитии сочетательных волокон коры и сосудов мозга и в развитии и отправлениях эндокринных желез тот таинственный сфинкс, который именуется гением. Наука гениальности и одаренности, именуемая эврологией, уже намечает пути к изучению анатомической основы гениальности и одаренности – пока лишь на основании случайно добытого материала. <...>

Но как можно проводить такого рода исследования с целью разгадать одну из величайших научных проблем, если со смертью великих людей их мозги, вместе с их телами, опускаются в могилу для тления и поедания червями? Не правильнее было бы, чтобы наука имела на мозги великих людей свои права и не встречала бы вполне безразличного отношения и даже противодействия со стороны близких людей, стоящих у гроба умершего таланта, заботящихся прежде всего о похоронных церемониях и не думающих вовсе о том, чтобы сохранить в качестве драгоценной реликвии мозг великого человека для науки и потомства, подвергнув его консервированию и научной обработке?

Не забыл Бехтерев и успокоить родственников, доказав, что манипуляции с трупом вовсе не нарушают эстетики и торжественности похоронного обряда: «Само вскрытие мозга благодаря разрезам по волосистой части головы, остающимся незаметными для окружающих после их зашивания, ни в какой мере не нарушает внешнего вида умершего, а вскрытие других частей тела – тем более».

Правда, успокоительная интонация порой сменялась интонацией агитационной и даже несколько угрожающей:

Пора сказать всем, кто близко стоит около таких лиц: «бросьте глупые предрассудки против анатомирования человеческих трупов», а людям, близко стоящим у смертного одра талантливых деятелей, надо знать, что они совершают преступление против общества и науки, если после смерти общепризнанного таланта его творческий мозг бросают в могилу на съедение червям и гнилостным бактериям.

Бехтерев был убежден сам и активно убеждал других, что «сохранить для науки и потомства в качестве драгоценной реликвии консервированный мозг талантливого представителя общественности, науки или искусства <...> является более „почетным“ для его памяти <...> нежели зарыть в землю для гниения и истлевания».

Образы гниения и истлевания, прожорливых трупных червей и бактерий проходят лейт-мотивом через всю статью. Традиционные похороны Бехтерев считает неуважением и даже почти осквернением памяти покойного и не жалеет экспрессивных выражений, дабы отвлечь читателя от вредной привычки предавать тело земле. Альтернатива этому ужасу видится в том, чтобы сохранить мозг гения «в музее за стеклом»:

Для примера я бы указал всем желающим убедиться, каким бережным и заботливым отношением обставлен, например, вскрытый мною и затем консервированный мозг Менделеева в анатомическом музее Государственного института медицинских знаний. Здесь для него на почетном месте устроена стеклянная витрина с соответствующей надписью, и притом так, что мозг вполне доступен для осмотра всех интересующихся, и тут же рядом поставлен в увеличенном виде его (Менделеева, а не мозга. – М. С.) портрет.

Как видно из статьи, идея пантеона была продумана во всех деталях. Вот какой видится картина этого научно-просветительского музея будущего:

Само собой разумеется, что мозги знаменитых деятелей должны быть представлены в этом музее-пантеоне в доступной для обзора всех желающих обстановке, в небольших стеклянных витринах, с соответствующими научными рисунками, с фотографическими изображениями самих деятелей, с их автографами, с краткой характеристикой особенностей мозга и кратким жизнеописанием и перечнем важнейших трудов.

Правда, Бехтерев понимал, что убедить родственников и близких отдать тело на удовлетворение нужд науки непросто и что нарисованная им картина музейного интерьера может их и не соблазнить.

К глубокому сожалению, необходимо сказать, что драгоценные мозги великих людей гибнут навсегда вместе с похоронами, и не от одного только предубеждения против самого вскрытия, но и вследствие неосознания близкими лицами того, в какой мере было бы важно сохранить для науки и потомства в качестве драгоценной реликвии консервированный мозг талантливого представителя общественности, науки или искусства.

А потому для борьбы с мешанскими предрассудками и для успешной реализации идеи пантеона необходимо вмешательство советской власти, которая уже имела счастливый опыт национализации практически во всех областях.

Для создания такого учреждения требовалось бы издание декрета об образовании особого комитета, которому было бы предоставлено право назначать и осуществлять вскрытие и консервирование мозгов замечательных деятелей в области политики, науки, искусства и общественности по всему СССР в целях создания в будущем музея – хранилища мозгов этих деятелей.

А раз так, то одного обращения – в порядке предложения – к читателям «Известий» было явно недостаточно, следовало привлечь власть, что Бехтерев практически сразу и сделал. Для такого известного человека, как Бехтерев, это было несложно.

Справедливости ради следует отметить, что идеи, подобные бехтеревским, буквально витали в воздухе Советской России. Так, еще в 1918–1919 годах отечественный психолог и педолог Н. А. Рыбников выступил с проектом «организации небывалого учреждения» – «центра, ведающего делом собирания и изучения биографий – Биографического института», который, по замыслу автора, должен был заняться «сохранением возможно большего числа биографий» и стать «своего рода музеем (...) вернее, пантеоном человечества»⁶⁹. О мозгах Рыбников не говорил, так как препарировать их не умел, ибо специализировался в другой области знания, но тем не менее подраздел антропологии и наследственности в проекте Биографического института присутствовал.

В 1921 году о необходимости создания института гениального творчества гораздо более предметно заговорил доктор медицины Г. В. Сегалин. Он преподавал в Уральском государственном университете, заведовал психотехнической лабораторией в Свердловске и прославился изданием журнала «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)»⁷⁰. Важнейшим недосмотром советской науки Г. В. Сегалин считал то, что «специальная анатомия великих людей, и в особенности специальная анатомия центральной и симпатической нервной системы, до сих пор почти совершенно не изучены, а то, что изучалось, носит случайный характер. Мозг и труп умершего даровитого человека не был объектом систематического изучения», а потому будущему институту «в первую очередь предстоит законодательным порядком декретировать обязательное вскрытие мозга всех без исключения выдающихся людей, а при надобности также вскрытие трупа с оставлением его в анатомическом музее гениального человека для посмертного изучения»⁷¹. В ряде положений проект Института гениального творчества явно пересекался с концепцией пантеона, и в 1928 году сподвижник Г. В. Сегалина Б. Я. Вольфсон попытался даже утверждать, что «приоритет в создании такого Института далеко не принадлежит (...) Бехтереву» и что инициатива «создания пантеона мозга, где бы мозг всех выдающихся людей концентрировался в одном институте в целях организованного изучения, имеет своего предшественника» в лице Г. В. Сегалина: «Мы видели, что сама идея пантеона под другим названием включена в этом проекте еще за много лет до Бехтерева»⁷².

Оба «конкурирующих» проекта первых советских лет – и проект Биографического института Рыбникова, и проект Института гениального творчества – остались нереализован-

ными. Ни Сегалин, ни уж тем более Рыбников не обладали научным авторитетом, энергией и целеустремленностью Бехтерева. Не имели они, впрочем, и его высокого положения, а также связанного с этим прямого выхода «наверх».

Всесоюзный пантеон мозга: «продвижение» идеи

В июле 1927 года академик Бехтерев направил письмо председателю Центрального исполнительного комитета Союза ССР М. И. Калинину. В письме предрассудки против вскрытия бичевались меньше, чем в известинской статье, зато научные и идеологические доводы были усилены. Подчеркивались важность решения вопроса к десятилетнему юбилею Октябрьской революции и, главное, практическая реализуемость идеи пантеона. Экспрессия и наступательность риторики от этого не уменьшились.

Дорогой товарищ Михаил Иванович! Один за другим сходят со сцены выдающиеся люди – творцы революции и работающие вместе с ними на поприще культурного развития страны – ученые, художники и общественные деятели.

О них пишутся некрологи, о них скажут несколько слов в газетах и затем о них если не забывают, то почти всегда умолкают. В то же время мы не имеем учреждения, которое было бы озабочено собиранием и изучением с научной точки зрения характерологических особенностей жизни и деятельности выдающихся людей, условий развития их таланта и которое в связи с этим своевременно могло бы вскрывать и изучать их мозг в целях выяснения пластического выражения их одаренности в мозговых извилинах и в тонкой структуре мозга, бережно сохраняя и то и другое для потомства.

Не говоря о высоконаучном значении такого учреждения, целью которого являлось бы раскрывать таинственную природу таланта исключительно с материалистической точки зрения, какой большой материал оно давало бы для истории революции и культуры вообще в связи с тем движением масс, о котором сообщает ежедневная печать. Правда, прошло уже немало времени со смерти многих деятелей, но лучше поздно, чем никогда. К тому же еще и теперь возможно собирание материалов хотя бы в отношении характерологических особенностей уже отошедших от нас выдающихся деятелей общественности, науки и искусства. Но непростительно, чтобы такие деятели и впредь погибали без достаточной заботы о том, чтобы был вскрыт и изучен их творческий орган – мозг, которому человечество обязано лучшими успехами своей культуры, и не были бы собраны и тщательно изучены в связи с этим характерологические особенности их личности. Руководствуясь этим, Президиум Государственной Психоневрологической Академии полагает, что не может быть лучшего ознаменования 10-летия Великого Октября в области науки – как создание такого Пантеона великих людей СССР, который всесторонне изучал бы с научной точки зрения все их характерологические особенности в сопоставлении с особенностями их мозга, в целях раскрытия того, что является материальной основой их таланта. Чтобы начать это дело, которое давно, с одной стороны, должно обогащать науку об изучении одаренности и в то же время увековечивать достойным образом память великих людей, необходимо издание декрета о предоставлении комитету Государственной Психоневрологической Академии права на вскрытие мозга замечательных деятелей в области науки, искусства и общественности и отпуска сравнительно небольших средств. Подходящее помещение для этого учреждения может быть предоставлено в здании Государственного Рефлексологического института по изучению мозга в Ленинграде рядом с музеем сравнительной анатомии нервной системы.

Ввиду важности решения этого вопроса к 10-летию Великого Октября позволяю себе обратиться к Вам с просьбой о постановке на обсуждение Президиума ЦИКа вопроса о создании Пантеона СССР.

По напечатании (прилагаемой) моей статьи в «Известиях ЦИКа» вопрос о создании Пантеона СССР встретил живой отклик и возбудил интерес в общественных и научных кругах.

Вся работа по организации Пантеона с успехом может быть выполнена Государственной Психоневрологической Академией и входящим в ее состав Государственным Рефлексологическим институтом по изучению мозга в Ленинграде. {...}

Памятью Ваше внимательное отношение к работе руководимых мною учреждений, позволяю себе надеяться на Ваше содействие в положительном разрешении и данного вопроса.

С товарищеским приветом и полным уважением.

Академик В. Бехтерев⁷³.

С аналогичной просьбой «в отношении положительного решения по этому вопросу», а также «с полным уважением и товарищеским приветом» Бехтерев обратился и к секретарю Центрального исполнительного комитета Союза ССР Авелю Сафроновичу Енукидзе⁷⁴. К обоим прошениям прилагались важные сопроводительные документы: докладная записка президиума Психоневрологической академии, также обосновывающая необходимость создания пантеона, смета расходов на обустройство пантеона и оплату необходимого штата сотрудников. Эти бумаги демонстрировали глубокую продуманность, проработанность бехтеревского проекта и еще более четко определяли задачи небывалого учреждения – научную и идеологическую:

Пантеон имеет две основные задачи:

1. Увековечение памяти выдающихся деятелей в области науки, искусства и общественной жизни путем сохранения их мозга и материалов, характеризующих жизнь и творчество этих людей.

2. Всестороннее изучение особенностей строения мозга выдающихся людей и сопоставление особенностей в строении мозга с особенностями их одаренности и творческой деятельности.

В соответствии с двумя главными задачами в пантеоне планировалось и два отдела – музейный и исследовательский. Научный прорыв должен был осуществляться в «исследовательском отделе»: «Пантеон СССР не может быть простым лишь хранилищем хотя бы и наиболее ценной части (то есть мозга) выдающихся людей. Основная задача пантеона должна состоять в научно-исследовательской работе по изучению строения мозга и творческой деятельности выдающихся людей». Работу предполагалось вести в двух направлениях – патологоанатомическом (обработка мозга для длительного хранения, то есть консервирование, его анатомическое описание, в особо интересных случаях – изучение тонкой структуры мозга) и психологическом. Этот последний, гуманитарный аспект включал «собираение и научную обработку характерологических данных о высокоодаренных лицах», причем в качестве таких материалов, по идее Бехтерева, должны были служить «записки и воспоминания близких лиц, все автобиографические данные, все продукты творчества изучаемого лица, в особенности в области его специальности и проч.». В штате исследовательского отдела Бехтереву виделись специалисты разного профиля: невролог-гистолог, невролог-анатом, знатоки cito– и миелоархитектоники, рефлексологи, изучающие одаренность. Естественно, нужны были и препараты, и фотоаграфы.

Общий результат научной работы достигался путем синтеза гуманитарного и анатомического знания о знаменитостях, «мозг которых сохраняется и изучается в Пантеоне»: «Детально разработанные характеристики необходимы для сопоставления особенностей в строении мозга и результатов творческой жизнедеятельности изучаемых лиц».

В отличие от исследовательского отдела, работа которого осуществляется незримо для постороннего глаза, музейный отдел занимается широкой пропагандой и популяризацией того, что сделано в исследовательском отделе: «Музей открыт для посетителей. В музее должны даваться пояснения особенностей строения мозга помещенных в Пантеоне лиц на основании результатов изучения». Демонстрируются экспонаты музея следующим образом: «Каждому из умерших выдающихся деятелей в области науки, искусства и общественной жизни в музее

Пантеона отводится витрина, в которой помещается препарат мозга, гипсовый слепок мозга, гипсовая маска, портрет, биография и др. материалы к характеристике творческой деятельности и др.». Здесь необходимы были всего четыре ставки: хранитель музея, ученый секретарь, скульптор-художник и препаратор.

Смертность гениев в «наш бурный период пламенной работы над строительством СССР» ожидалась немалая. В пантеоне должно было быть одновременно изготовлено «30 витрин, специально приспособленных для индивидуального хранения мозгов» – по 300 рублей каждая. Только в 1927–1928 годах планировались расходы «на 15 музейных мозговых препаратов», из которых десять предполагалось подвергнуть «микроскопической обработке (...) из расчета 600 рублей за мозг».

Бехтерев заверял, что «по мере получения мозга и другого материала лиц, проявивших себя в различных областях науки, искусства и общественной жизни, Пантеон при наличии правильно организованной научной работы внесет ценнейший вклад в изучение одаренности». Однако из сказанного со всей очевидностью явствовало, что никакого «ценнейшего вклада в изучение одаренности» не произойдет, если не будет в законодательном порядке налажена поставка основного материала для анализа – гениальных мозгов.

А потому при пантеоне должен быть комитет, обладающий правом «на вскрытие и получение мозга выдающихся личностей», где бы они ни проживали, а при комитете – штат эмиссаров, своеобразных «охотников за мозгами»: «В различных местах СССР, в частности в университетских городах, должны иметься представители Комитета (преимущественно из состава профессоров – анатомов и патологоанатомов), которым должны быть предоставлены по месту их жительства полномочия на производство вскрытий и отправки мозга в адрес Психоневрологической Академии». Только таким насильственным образом можно было преодолеть предубеждения семьи и близких покойного.

Если в статье «Известий» мысль о необходимости комитета, полномочного органа по национализации выдающихся мозгов, Бехтерев приберег под конец, то в документах, направленных в ЦИК СССР, эта мысль вынесена в начало, идет под номером первым. В смету «единовременных расходов по предварительному оборудованию Пантеона СССР» сразу же закладываются «принадлежности для пересылки мозгов из других городов: 50 специально изготовленных ящиков + вата + формалин + перевозка по 50 рублей». Всего – 2500 рублей, то есть не на 15, не на 30, а уже на полсотни мозгов...

Очевидно, Бехтереву удалось заинтересовать своим предложением правительство. Трудно сказать, что сыграло наибольшую роль – научные доводы или близящийся десятилетний юбилей Октябрьской революции. Но вскоре делу был дан ход. Уже в конце июля на основе отправленных Бехтеревым материалов было составлено доброжелательное «заключение по вопросу о создании Пантеона Союза СССР»: предлагали только «предварительно постановке вопроса на Президиуме ЦИК Союза ССР» заручиться отзывами Академии наук Союза ССР, Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР, «а в связи с тем, что создание Пантеона связывается с 10-летием Октябрьской революции, и Комиссии Президиума ЦИК Союза ССР по организации празднования 10-летия Октябрьской революции»⁷⁵.

Вскоре, 15 сентября 1927 года, «согласно предложению тов. А. С. Енукидзе в дополнение к представленным Психоневрологической Академией материалам о Пантеоне СССР», Бехтерев «препроводил проект содержания декрета, который необходимо издать в связи с организацией Пантеона»⁷⁶: «Государственной Психоневрологической Академии предоставляется право посмертного вскрытия мозга выдающихся деятелей СССР в области науки, искусства и общественной жизни, в целях изучения мозга и сохранения его в Пантеоне СССР как научно-

исследовательском институте Психоневрологической Академии по исследованию одаренности»⁷⁷.

Как и просил Бехтерев, вопрос об организации пантеона собирались вносить на заседание Президиума ЦИК СССР. Уже был даже подготовлен проект постановления Президиума ЦИК, в котором полностью учитывались все пожелания Психоневрологической академии и ее президента Бехтерева⁷⁸.

Казалось, дело на мази. Теперь Бехтереву надо было аккуратно провести свою грандиозную идею через все инстанции так, чтобы ее никто не перехватил. Мысль о том, что пантеон следует учредить только в составе ленинградской Психоневрологической академии, и нигде больше, повторяется в бехтеревских документах многократно и с особой настойчивостью:

Инициатива создания Пантеона СССР проявлена Президентом Государственной Психоневрологической Академии В. М. Бехтеревым. <...>

Поручение организации Пантеона Государственной Психоневрологической Академии как специальному научному и образовательному учреждению представляется наиболее целесообразным. Уже <...> было указано на желательность поручения этого дела Государственному рефлексологическому институту по изучению мозга. Институт мозга является той частью Психоневрологической Академии, которая располагает фактически всеми необходимыми для организации и работы Пантеона данными: в здании Института имеется соответствующее для размещения Пантеона помещение музейного типа. Имеется и налаженный аппарат для всестороннего изучения мозга и изготовления его музейных препаратов – Психоневрологическая Академия с Институтом мозга располагает как руководящими ценными специалистами в этой области, так и совершенной техникой научной работы в специально оборудованных лабораториях. Эти обстоятельства позволяют Психоневрологической Академии приступить без промедления к работе, избегнув длительного подготовительного периода, что к тому же поведет к экономии средств. <...> Комитет организуется Психоневрологической Академией. <...>

Музей Пантеона помещается в Психоневрологической Академии...

И наконец, мозги со всего Советского Союза направляются только «в адрес Психоневрологической Академии».

Опасения Бехтерева, что идею украдут и что плодами его труда воспользуются другие, были, как показала история, отнюдь не беспочвенны. Впрочем, осенью 1927 года еще ничто не предвещало неприятностей. Беда пришла с самой неожиданной стороны.

Еще одна смерть – Бехтерев

В ночь с 24 на 25 декабря 1927 года, в 23 часа 45 минут, «в Москве, в квартире проф. Благоволина скончался (...) академик В. М. Бехтерев, приехавший в Москву из Ленинграда на психоневрологический съезд»⁷⁹. Обстоятельства и причины этой скоропостижной кончины были не вполне ясны, а для многих странны и подозрительны⁸⁰. Поговаривали об отравлении, но официальная версия гласила, что смерть наступила от паралича сердца. Газеты подробно информировали о ходе похорон, которые почему-то поспешно решили проводить в Москве. Сразу же начались мероприятия по увековечению памяти В. М. Бехтерева. Сообщали, что «созданному академиком Бехтеревым институту по изучению мозга будет присвоено имя покойного», что «в Патолого-Рефлексологическом институте им. Бехтерева устанавливается его бюст» и т. д. Не обошли вниманием, конечно, и его последний проект: «Предположено также присвоить имя академика Бехтерева организуемому Всесоюзному Пантеону, идея которого принадлежит покойному...»

В «Известиях» печатается небольшая заметка, озаглавленная «Вскрытие мозга». В ней извещалось о проявленном полном уважении к воле покойного, зарекомендовавшего себя и при жизни последовательным борцом с традиционными способами погребения и выступавшего против нерационального закапывания мозга в землю, на съедение червям:

25 декабря состоялось совещание видных представителей медицинского мира Москвы с участием профессоров Россолимо, Минора, Абрикосова и др. Совещание решило исполнить волю покойного о передаче его мозга в институт мозга в Ленинграде. В тот же день проф. Абрикосов произвел вскрытие черепной полости акад. Бехтерева и извлек его мозг, который временно помещен в патолого-анатомическом институте I МГУ. Скульптор Шадр сделал гипсовый слепок с лица покойного⁸¹.

Чуть позже за краткими информационными бюллетенями последовали обстоятельные статьи-некрологи, развернутые и концептуальные. Естественно, горестная кончина инициатора создания музея мозга увязывалась с судьбой его последней идеи, осмыслялась как своеобразная искупибельная жертва «неведомому богу», в данном контексте – социалистическому.

Покойный был неутомимым, неутомным организатором до последнего дня своей жизни. Его главное детище – Рефлексологический институт в Ленинграде, который отныне будет носить его имя. Последние годы он был особенно занят расширением работы этого института... созданием пантеона великих людей, – писала в январе 1928 года «Красная нива». – По идее Бехтерева, в этом пантеоне должны быть собраны и научно исследованы мозги общественных деятелей Советского Союза.

По жестокой иронии судьбы первый мозг, который войдет в этот пантеон, будет мозг самого В. М. Бехтерева.

Бехтерев завещал сжечь себя и сохранить свой мозг для Института. Пепел и мозг – вот что получил Институт от своего основоположника и неизменного руководителя⁸².

Итак, завещанный институту мозг идеолога пантеона должен был стать своеобразной символической «строительной жертвой» в основании пантеона и совсем не символическим, а вполне реальным экспонатом номер один. «Пантеон мозга Бехтерева» был бы тогда уже во всех смыслах бехтеревским...

Однако этого не произошло. Судьба опять распорядилась иначе. «Пепел и мозг» – это оказалось действительно всем, «что получил Институт от своего основоположника и неизменного руководителя». Масштабная идея создания пантеона СССР была, как и опасался Бехтерев, присвоена другими «энтузиастами». Но и здесь события разворачивались постепенно...

Борьба за пантеон

28 января 1928 года на заседании Секретариата ЦИК был заслушан вопрос об организации Всесоюзного пантеона при ЦИК Союза ССР. Постановили: «Для рассмотрения вопроса об организации Всесоюзного Пантеона при ЦИК СССР образовать комиссию в составе: Председатель: Н. И. Пахомов. Члены: т. М. Н. Покровский, т. А. В. Луначарский, т. Н. А. Семашко»⁸³.

В феврале крупного партийного и государственного чиновника, ректора Коммунистической академии и Института красной профессуры, историка М. Н. Покровского, наркома просвещения А. В. Луначарского и наркома здравоохранения Н. А. Семашко обязали ознакомиться с бехтеревскими документами и в кратчайший срок дать по ним заключение. Ни Покровского, ни Луначарского, судя по их реакциям, идея пантеона в особый восторг не привела. Покровский вообще ушел от ответа, предложив «передать этот вопрос на заключение Комакадемии»⁸⁴, а Луначарский ответил, но весьма уклончиво:

Ознакомившись с всеми краткими материалами, которые присланы мне Вами по вопросу организации Всесоюзного Пантеона, я считаю, что идея сама по себе не плоха, и я против ее осуществления не возражаю, но она не кажется мне, однако, неотложной. Во всяком случае, прежде чем приступить к организации этого дела, следовало бы внимательно изучить вопрос со всех сторон с привлечением специалистов из заинтересованных ведомств и учреждений⁸⁵.

Кажется, что оба они были скорее напуганы, чем вдохновлены, и не решились взять на себя ответственность за столь радикальную форму демонстрации научных достижений и столь идеологически экстравагантную форму увековечения памяти усопших гениев.

Зато Семашко прекрасно понял красоту бехтеревского замысла и ответственности не побоялся. Ведь именно он, нарком здравоохранения, стоял у истоков изучения мозга Ленина, он доказывал, что с помощью приглашенного из Германии профессора Фогта можно будет материалистически обосновать ленинскую гениальность, он выбивал деньги под эти исследования, он стремился реорганизовать лабораторию по изучению мозга Ленина в институт. И наконец, именно в его непосредственном ведении, в ведении Наркомздрава, эта лаборатория (институт) по изучению мозга Ленина находилась.

Семашко воспринял идею пантеона с энтузиазмом, даже, быть может, излишним. На вопрос, быть ли пантеону, он ответил раньше и определеннее всех, сказав решительное «да»: пантеону – быть. Но с одной очень существенной поправкой: пантеон должен быть, но только в Москве, а не в Ленинграде, не в бехтеревском институте. В отосланном в ЦИК СССР пространном заключении «история вопроса» излагалась в одном предложении: «По инициативе Ленинградского психоневрологического института возбуждено ходатайство перед ВЦИК РСФСР об организации Пантеона для хранения и изучения мозгов выдающихся деятелей науки, искусства и политики».

Далее приводились соображения в пользу того, что пантеон может функционировать только в Москве, только в стенах Института по изучению мозга при Наркомздраве:

1. В Институте по изучению мозга при Наркомздраве находится мозг В. И. Ленина. Тем самым положено по существу основание Пантеона в Институте. Если Пантеон будет находиться в Ленинграде, то естественным образом мозг В. И. должен быть перевезен туда же. Транспортирование 30 000 препаратов представляет собою дело чрезвычайной трудности и сопряжено с большими опасностями. В Институте мозг В. И. находится под непрерывной охраной ОГПУ.

2. Изучение мозга В. И. Ленина поставило перед Институтом весьма широкую задачу – разрешение вопроса об особенностях цитоархитектоники гениальных и выдающихся людей. Для полного разрешения этой задачи Институт, естественно, нуждается самым настоятельным образом в изучении мозгов и других выдающихся людей. Он уже имеет в своем распоряжении

мозг выдающегося клинициста проф. Земницкого и мозг недавно скончавшегося Н. В. Плеханова. Но соответствующий материал должен увеличиваться. Если Пантеон будет сосредоточен не в Институте, то он будет лишать Институт этого материала.

3. Помимо мозгов В. И. Ленина, проф. Земницкого и Н. В. Плеханова, Институт мозга имеет коллекцию мозгов средних людей разных национальностей: 6 русских мозгов, 2 татарских, чувашский, армянский, грузинский, еврейский, тюркский. Столь разнообразным в качественном отношении материалом вряд ли обладает какой-либо еще институт в мире. Материал этот является совершенно необходимым для изучения вопроса о цитоархитектонических особенностях выдающихся людей, так как вопрос этот может быть решен только путем сравнения цитоархитектоники выдающихся людей с цитоархитектоникой людей средних. В настоящее время ведутся переговоры с различными научно-учебными учреждениями Союза ССР о предоставлении поступивших в их распоряжение мозгов выдающихся работников, а также с целью получения мозгов различных национальностей и рас, населяющих наш Союз.

4. Работа в Институте мозга ведется под руководством самого крупного специалиста в области изучения мозга – профессора О. Фогта. Под его руководством ведется изучение мозга В. И. Ленина. Было бы логично и весьма полезно для дела, чтобы и изучение мозгов других выдающихся людей велось под тем же в высокой степени авторитетным руководством.

5. Институт мозга оборудован по последнему слову техники и имеет штат подготовленных научных и технических работников. Он может свободно взять на себя задачу обработки и изучения мозгов выдающихся людей, не требуя для этого никаких дополнительных затрат. Организация же Пантеона вне Института мозга будет сопряжена с большими расходами. Как видно из представленного материала, для организации Пантеона требуется около 52 000 руб. Деньги эти при устройстве Пантеона в Институте мозга будут сохранены для Государства⁸⁶.

Итак, Семашко использовал все возможные аргументы, чтобы произвести отчуждение бехтеревской идеи от бехтеревского института – лучшие, чем в бехтеревском институте, специалисты, лучшие методики, лучшее оборудование, экономия денежных средств и т. д. Главным же, непобиваемым козырем в пользу того, что пантеон должен находиться в Москве, конечно же, был мозг Ленина. Трудно сказать, как сложилась бы судьба бехтеревского пантеона, не умри внезапно сам Бехтерев. При жизни слово Бехтерева значило очень много. После его смерти институту, как писали в уже цитированной ранее статье, достались лишь «пепел и мозг». На политической чаше весов мозг Ленина весил несоизмеримо больше, чем мозг родоначальника идеи пантеона.

В мае 1928 года идее бехтеревского пантеона было отказано в праве на дальнейшее существование. Постановили: «За смертью Бехтерева – инициатора организации Всесоюзного Пантеона – вопрос с обсуждения снять»⁸⁷.

Рождение пантеона–2

Однако на этом история не закончилась. Это был ложный, мнимый финал. События разворачивались по принципу «Король умер – да здравствует король!».

Не откладывая дела в долгий ящик, московский Институт мозга начал формировать коллекцию. В апреле 1928 года ушел из жизни философ и экономист, идеолог Пролеткульта и автор утопических романов, давний член партии, ставший объектом яростных нападок В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм», – Александр Александрович Богданов (Малиновский). С 1926 года он возглавлял Институт переливания крови и умер прямо на работе, на операционном столе, во время рискованного медицинского эксперимента, участником которого пожелал стать. Институт переливания крови находился в одном здании с Институтом мозга, так что мозг Богданова поступил в коллекцию, что называется, прямым – из одной комнаты в другую.

В мае 1928 года от болезни сердца скончался Александр Дмитриевич Цюрупа, государственный и партийный деятель, член партии с 1898-го.

Мозг обоих изъяли без афиширования, ведь вопрос о бехтеревском варианте пантеона еще не был окончательно снят с рассмотрения. Но к осени ситуация стала иной.

И когда 8 октября 1928 года в Сочи от тифа скончался другой соратник Ленина, ровесник Цюрупы, тоже занимавший высокие посты в партийной и государственной структуре, – Иван Иванович Скворцов-Степанов, то на следующий день в газетах появилось сообщение:

Тело умершего перевозится из Сочи в Москву и по прибытии помещается в Доме союзов, где будет установлено почетное дежурство членов правительства и делегаций от московских партий и заводов. В ночь перед похоронами тело будет подвергнуто кремации. Погребение урны с прахом И. И. Скворцова-Степанова состоится на кремлевской площади в Кремлевской стене. Мозг покойного передается Институту мозга...⁸⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.